

PIOTR ZEMSAŁ

Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu

ИДЕОЛОГЕМА И ИДЕОЛОГЕМНОЕ СЛОВО — К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНОВ

В польском языкознании, в отличие от русского, термин «идеологема» употребляется крайне редко, обычно русистами, хотя иногда появляются термины похожие по смыслу, например, «баннерные слова», «коллективные символы», «социально-политические понятия», «фундаментальные лозунги», «доминирующие символы» и т.д. Но у термина «идеологема», как кажется, есть одно преимущество. Он намного конкретнее, обычно он относится к конкретному типу дискурса, т.е. к политическому или идеологическому дискурсу¹. Термин «идеологемное слово» пригоден для определения таких лексических единиц, наличие которых в тексте является маркером его идеологического характера.

Мы знаем, что одной из основных черт любой научной дисциплины является своя терминология. Основным термином фонологии считается «фонема», морфологии — «морфема», синтаксиса — «предложение» и т.д. Следует поставить вопрос, имеет ли свой термин политическая лингвистика, которую иногда пытаются позиционировать как отдельную языковедческую дисциплину². Конечно, можно сказать, что одним из основных

¹ Как замечает Елена Г. Малышева: «в современной лингвокультурологии и политической лингвистике (а также в собственно культурологии, социологии и истории) 'всплеск' интереса к феномену 'идеологема' связан прежде всего с изучением и описанием специфических языковых и концептуальных черт тоталитарного советского периода и тоталитарного языка советской эпохи» (Е.Г. Малышева, *Концепт 'ОЛИМПИАДА-2014' как новоидеологема современной России (на материале текстов СМИ)* // «Политическая лингвистика» 2012, № 2, с. 109).

² См. напр.: Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, *Политическая лингвистика*, Флинта, Наука, Москва 2006; А.А. Романов, *Политическая лингвистика: Функцио-*

понятий политической лингвистики является «политический дискурс», но кажется, что это понятие определяет лишь внешнюю сторону исследований политической лингвистики и не является основным для данной дисциплины. Несмотря на то, что термин «идеологема» употребляется и в культурологических, политологических, и философских трудах, именно он мог бы стать одним из терминов, конституирующих политическую лингвистику как отдельную область языкознания.

Термин «идеологема» по сути является основным для данной области исследований, но вопрос в том, является ли он научным термином, т.е. выполняет ли ряд требований, таких как соответствие термина понятию, однозначность и полнота, под которой понимается «отражение в значении термина минимального количества признаков, достаточных для идентификации обозначаемого им понятия»³. Следовательно, термин «идеологема» должен иметь однозначное определение, которое давало бы возможность точно определять отдельные объекты действительности, в случае лингвистических исследований — «идеологемные слова». Другими словами, проблема сводится к ответу на очень простой вопрос: почему одни слова считаются идеологемными⁴, а другие нет?

Чтобы проиллюстрировать проблематичность ответа на этот вопрос, приведем ряд определений феномена идеологемы.

Как утверждает Елена Малышева, слово «идеологема» впервые использовалось Михаилом Бахтиным «для обозначения объективно существующих форм идеологии»⁵. Упоминание «идеологемы» в работах Бахтина, однако, никаким образом не напоминает терминологических употреблений, например:

нальный подход, ИЯ РАН, Москва–Тверь 2002; М.С. Тихонова, *Политическая лингвистика: Учеб. пособие*, Издательство ОГУ, Омск 2012.

³ О.Ю. Шмелева, *Современные подходы к определению термина как специальной единицы языка* // «Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина», ЛГУ им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург 2010, с. 107.

⁴ Формулировка «идеологемные слова» обусловлена тем, что в рамках данной статьи «идеологема» трактуется как абстрактная единица высшего уровня. О когнитивной и собственно лингвистической трактовке термина «идеологема», см. Е.Г. Малышева, *Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация* // «Политическая лингвистика» 2009, № 4, с. 32–40; Е.Г. Малышева, *Концепт 'ОЛИМПИАДА-2014'...*, с. 109–113.

⁵ Е.Г. Малышева, *Концепт 'ОЛИМПИАДА-2014'...*, с. 109.

Образ такого языка в романе есть образ социального кругозора, образ социальной идеологемы, сросшейся со своим словом, со своим языком. Поэтому менее всего такой образ может быть формалистичным, а художественная игра такими языками — формалистической игрой. Формальные признаки языков, манер и стилей в романе — символы социальных кругозоров⁶.

Это заметно тем более, что «идеологическое» кажется, в случае Бахтина, просто синонимом «семиотического»: «Все идеологическое обладает *значением*: оно представляет, изображает, замещает нечто вне его находящееся, т.е. является знаком. Где нет знака — там нет и идеологии»⁷. С другой стороны, и само понятие идеологии используется Бахтиным скорее всего в значении просто некой «абстрактной» сферы (т.е., по словам Владимира Алпатова, «нестандартно»⁸), а не в значении, подразумеваемым в формулировках типа «идеологический дискурс русских коммунистов».

Значение слова «идеологема» Бахтиным не толкуется, но его можно «вычислить» по контексту, по содержащимся в тексте синонимам и т.д. Такую попытку предприняла Малышева, которая резюмировала понимание идеологемы Бахтиным. По ее мнению это

как социолекты в целом, так и языковые и/или концептуальные «маркеры» таких социолектов; однако очевидно, что он вел речь прежде всего об отраженной в этих «языках-идеологемах» картине мира, которая, по его мнению, была «злостно неадекватна действительности», вмещала лишь «кусочек, уголок мира», «мнения», «идеологемы», некие «гипотезы смысла»⁹.

Хотя здесь и речи быть не может о научном (т.е. однозначном) определении понятия, то кажется очевидным, что именно Бахтину принадлежит идея «идеологемы» как некой абстрактной единицы, которая лишь находит себе языковое выражение.

С другой стороны, в научной литературе мы находим немало попыток определения термина «идеологема». Наблюдаются две основных трактовки вопроса — когнитивная, концептуальная,

⁶ М.М., Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики*, Художественная литература, Москва 1975, с. 169.

⁷ Там же, с. 353.

⁸ В.М. Алпатов, *Волошинов, Бахтин и лингвистика*, Языки славянских культур, Москва 2005, с. 125.

⁹ Е.Г. Малышева, *Концепт 'ОЛИМПИАДА-2014'...*, с. 109.

в рамках которой идеологема воспринимается как своего рода концептуальная единица, т.е. единица мышления, которая может проявляться как в языковой, так и в любой другой форме, и собственно лингвистическая, которая сводит идеологему к ее языковым проявлениям. Оба этих направления уже описаны в научной литературе¹⁰. Здесь я приведу лишь некоторые определения данного феномена.

Сначала приведем несколько когнитивных определений:

The ideologeme is an amphibious formation, whose essential structural characteristic may be described as its possibility to manifest itself either as a pseudoidea a conceptual or belief system, an abstract value, an opinion or prejudice — or as a protonarrative, a kind of ultimate class fantasy about the «collective characters» which are the classes in opposition¹¹.

единица когнитивного уровня — особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах¹²;

заранее заданная идея, которая ложится в основу номинации и ориентирует массовое сознание в нужном направлении¹³;

сложный когнитивно-стилистический феномен, с помощью которого формируется массовое, коллективное и индивидуальное сознание конкретного социума;

ментальная единица, в состав которой входит идеологический компонент и которая, как правило, репрезентируется словом или устойчивым словосочетанием [...] феномен, формирующий концептуальные схемы и катего-

¹⁰ Например, Н.И. Клушина, *Теория идеологем* // «Политическая лингвистика» 2014, № 4, с. 54–58; Е.А. Лыкина, *Идеологема как лингвокогнитивная категория: к проблеме определения понятия* // «Язык и культура» 2014, № 10, с. 201–207.

¹¹ F. Jameson, *The Political Unconscious. Narrative as a socially symbolic act*, Cornell University Press, New York 1981, с. 87. «Идеологема является неоднородным явлением, чьи важнейшие характеристики могут быть описаны, как его способность проявлять себя как в качестве псевдоидеи — концептуальной системы или системы убеждений, абстрактной ценности, мнения или предрассудка, — так и в качестве протонаррации, как основного класса воображений, касающихся ‘коллективных персонажей’, которые противопоставлены друг другу».

¹² Е.Г. Малышева, *Идеологема как лингвокогнитивный феномен...*, с. 35.

¹³ Н.И. Клушина, *Теория идеологем...*, с. 57.

рии, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте¹⁴;

единица идеологической системы, находящая свое вербальное выражение, знак идеологии¹⁵;

санкционированное официальной идеологической системой содержание, закрепленное за определенной языковой формой¹⁶.

В языковедческой литературе достаточно много попыток определения «идеологема» с собственно лингвистической точки зрения, например:

category of words, which combines the descriptive and evaluative meanings in such an inseparable way that they make one whole lexical meaning (категории слов, которые являются неразделимым сочетанием дескриптивных и аксиологических смыслов, составляя целостную лексическую единицу)¹⁷;

класс лексических единиц, непосредственно связанных с идеологией¹⁸;

не слова, а семантические гнезда: объединенные одной семой разные формы, разные части речи, однокоренные и неоднокоренные слова¹⁹.

С точки зрения общей теории семиотики определяет идеологему Гассан Ч. Гусейнов:

знак или устойчивая совокупность знаков, отсылающих участников коммуникации к сфере должного — правильного мышления и безупречного поведения — и предостерегающих их от недозволенного;

минимальный отрезок письменного текста или потока речи, предмет или символ, который воспринимается автором, слушателем, читателем как отсылка — прямая или косвенная — к метаязыку, или к воображаемому сво-

¹⁴ Е.А. Нахимова, *Идеологема Сталин в современной массовой коммуникации* // «Политическая лингвистика» 2011, № 2, с. 153.

¹⁵ И.Т. Вепрева, Т.А. Шадрина, *Идеологема и мифологема: интерпретация терминов* // «Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права» 2006, № 3, с. 124.

¹⁶ Н.А. Купина, *Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры*, Изд-во Уральского университета, Екатеринбург 1999, с. 7.

¹⁷ М. Epstein, *Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking: an Inquiry into the Language of Soviet Ideology*, Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington 1991, с. 17.

¹⁸ Е.Г. Малышева, *Идеологема как лингвокогнитивный феномен...*, с. 34.

¹⁹ А.П. Романенко, *Образ ратора в советской словесной культуре*, Издательство Саратовского университета, Саратов 2000, с. 75.

ду мировоззренческих норм и фундаментальных идейных установок, которыми должно руководствоваться общество²⁰;

Вернемся на миг к лингвистическим понятиям типа «фонема», «морфема», «лексема». Фонема проявляется как конкретный звук, морфема как морф, лексема — как конкретная словоформа. Кажется, что идеологема может восприниматься как некая абстрактная единица, которая так же, как фонема, морфема или лексема должна проявляться в речи²¹. Андрей Мирошниченко предлагает для определения такого рода проявлений термин «лингвема»²².

Такое понимание идеологемы далеко не всегда встречается в лингвистической литературе. Бывает, что авторы просто называют определенные слова «идеологемами» без дальнейшего объяснения своего выбора. Но дело не совсем в этом. Дело в том, что у нас нет такого определения идеологемы или идеологемных единиц языка, которое позволяло бы идентифицировать отдельные слова именно как проявления идеологем. Почему слова типа *коммунизм*, *большевизм*, *фашизм* автоматически считаются идеологемными, а другие нет? Неужели нет никакой разницы между идеологической нагрузкой лексемы *большевик* и слова *спорт* или *олимпиада*?

Проблема заключается в том, что ни одно из приведенных определений идеологемы не гарантирует, как кажется²³, однозначного выбора идеологемных слов среди других, неидеологемных лексических единиц. Такой выбор делается нами скорее всего интуитивно, мы полагаемся на свое «чутье», а это отнюдь не научный метод.

²⁰ Г.Ч. Гусейнов, *Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х*, Три квадрата, Москва 2003, с. 12..

²¹ Но, в отличие от фонем, морфем и т.д. не только в речи.

²² А.А. Мирошниченко, *Конструирование предвыборного лозунга: идеологемы и ценности* // P. Czerwiński, J. Stawnicka (ред.), *Słowo i tekst*, UŚ, Katowice 2008, с. 179–180.

²³ В мае 2016 года я провел опыт со студентами русистами БФУ им. Канта в Калининграде. Его суть заключалась в том, что после ознакомления с приведенными в настоящей статье определениями идеологемы мы попытались проанализировать стихотворение *Коммунизм* Сергея Михалкова. После вычисления очевидных случаев идеологемных слов (*коммунизм*, *ленинский*, *партия*, *народ*, *Родина*) и неидеологемных слов (например, *слово*, *океан*, *рот*) осталась довольно широкая категория слов, которые определялись студентами как идеологемные, так и неидеологемные (например, *надежда*, *хлеб*, *идея*, *враг*, *знамя*, *флаг*).

Какова основная функция научного определения? Оно должно, в первую очередь, выделять определяемое в сравнении с другими объектами действительности. Научное определение должно быть по возможности точным и однозначным. Другими словами, определение должно предоставлять возможность точно различать разные явления действительности. Стоит посмотреть, какие разные по своей семантике и идеологической нагрузке лексемы или словосочетания считаются в работах ученых идеологемными словами:

Ленинград; Владлен, вождь морового пролетариата, народ, флаг, гимн, демократия, спорт, съезд, Государственная дума, свобода, равенство, Ленин, Сталин, Ельцин, Путин, советские солдаты-освободители, патриотизм, президент, воля, демократия, террор, фашизм, царь, финансовый кризис, парламент, дума, губернатор, монетизация льгот, забота, благополучие, закон, сотрудничество, время, коммунизм, социализм.

Следует обратить внимание и на то, что среди названных раньше так называемых идеологемных единиц находятся слова, которые несравнимы по идеологической значимости, например, *олимпиада* и *коммунизм*. Это косвенно свидетельствует о том, что понятие «идеологема» является достаточно неопределенным, расплывчатым. Иногда возникает впечатление, что авторы наугад называют идеологемами просто те слова, которые кажутся самыми важными в исследуемом ими дискурсе. Конечно, почти все они относятся к социально-политическим понятиям, но все ли они «отсылают»²⁴ к идеологии. Каким образом они «отсылают» к идеологии или каким образом они с ней связаны? Как мы можем эти связи выявить и научно подтвердить? Назовем самые популярные в свое время советизмы:

общепит, колхоз, МТС, агитработа, рабфак, вредитель, болтун, самиздат, сексот (секретный сотрудник), стукач, субботник, ударник, стилиага, комсомолец.

Большинство из них, вне всякого сомнения, каким-то образом связаны с идеологической обстановкой своего времени, большинство из них возникло исключительно из-за воздействия идеологии на общество и его язык, но разве все они напрямую относятся к коммунистической идеологии?

²⁴ Г. Ч. Гусейнов, *Советские идеологемы...*, с. 12.

В статье, опубликованной в 2014 году, я предложил способ выявления идеологемного характера лексических единиц²⁵. Исходной точкой было предположение о том, что «идеологему» следует воспринимать не как единицу, которая «отсылает» к идеологии или «связана» с ней, но как своего рода дистинктивный признак идеологических высказываний. Связанными с идеологией субъективно могут считаться многие понятия, которые по сути не являются идеологическими, например, в советском дискурсе слова *болтун* («тот, кто разглашает тайну, секретные сведения»²⁶, *бдительность* (естественно, *большевистская, революционная*, но и, в силу закреплённой в дискурсе ассоциации, без этих определений) и т.д. С другой стороны, вне всякого сомнения, есть слова, идеологическая нагрузка которых очевидна, например, *коммунизм*, *фашизм* и т.д., а их присутствие в данном тексте обычно определяет его идеологический характер. В связи с этим напрашивается вопрос, почему «обычно», а не «всегда»? Ответ довольно прост — идеологемность, по крайней мере иногда, обусловлена контекстом. Сравним два употребления лексемы *коммунизм*:

1. Давайте сравним два употребления лексемы «коммунизм».
2. Да здравствует коммунизм — светлое будущее всего человечества.

В первом предложении имеем дело с метаязыковым употреблением²⁷, где данная лексема не является идеологически маркированной. Это легко доказать. Приведем следующий пример:

3. Давайте сравним употребления лексем «коммунизм», «фашизм», «капитализм», «социализм».

Как замечает подавляющее большинство исследователей, одной из важнейших черт идеологемных слов является их оценочность. Гусейнов пишет:

Фундаментальная оппозиция правильного и неправильного, своего и чужого, нормы и ошибки, нового и старого, советского и антисоветского,

²⁵ П. Зэмшал, *Несколько замечаний относительно понятия идеологемы* // «Политическая лингвистика» 2014, № 2, с. 138–142.

²⁶ Б.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, *Толковый словарь языка Совдепии*, Фолио-Пресс, Санкт-Петербург 1998.

²⁷ Таким же образом следует воспринимать и строго терминологические употребления потенциально идеологических лексем типа *коммунизм*, *коммунисты*, *фашизм*, *фашистское государство* и т.д.

революционного и контрреволюционного определяет не только социальную практику идеологической борьбы в СССР, но и строение мельчайшей значащей единицы рассматриваемого нами языка — идеологемы²⁸.

Возьмем к примеру два идеологемных слова, которые функционировали в свое время как антонимическая пара: *коммунизм* и *фашизм*. Они в рамках одного и того же дискурса настолько аксиологически противоположны друг другу, что их невозможно совместить в одном предложении с положительной оценкой:

4. *Он был сторонником коммунизма и фашизма.

Такое предложение, конечно, если исключить, например, иронические высказывания, просто немислимо. В дискурсивной практике советского времени немислимо было даже близкое соседство этих лексем в рамках предложения, за исключением контекстов типа: «Коммунизм окреп в борьбе с фашизмом» и т.п. В нашем же примере метаязыкового употребления все четыре слова могут выступать вместе, и это не вызывает никакого ощущения диссонанса. Отсюда вытекает по крайней мере один вывод. Идеологемные слова не должны рассматриваться вне контекста, в котором они выступают, «не могут быть описаны в отрыве от системы»²⁹. Как справедливо замечает Сергей А. Журавлев по отношению к лексическим единицам типа *вождь*:

Если в пределах того или иного политического дискурса [выделение мое — П.З.] эти единицы актуализируются и, соответственно, обретают в общественном сознании большую значимость, чем «просто» слова или политические термины с тем же содержательным наполнением, они становятся идеологемами³⁰.

Эти два фундаментальных свойства идеологемных слов — оценочность и обусловленность контекстом являются теми признаками, которые могут использоваться для выявления «идеологемности» лексических единиц.

²⁸ Г.Ч. Гусейнов, *Советские идеологемы...*, с. 27.

²⁹ V. Norman, H. Jachnow, *Идеологический компонент и его место в значении слова* // «Zeitschrift für slavische Philologie — 58», Universitätsverlag Winter, Heidelberg 1999, с. 45.

³⁰ С.А. Журавлев, *Патерналема как важный компонент политического дискурса* // «Вестник Марийского государственного университета — 11», ФГБОУ ВПО Марийский государственный университет, Йошкар-Ола 2013, с. 39.

Одни и те же идеологемы могут проявляться в разных идеологических дискурсах³¹. Конечно, если принять, что «идеологемное слово» является аксиологическим ядром высказывания³² представителя данной идеологии, то в речи его идеологического оппонента оно всегда будет принимать противоположную аксиологию³³. Ежи Молаш предлагает следующую формулировку этой проблемы:

Вещи, явления, объекты подвергаются изменениям, которые сторонники идеологии X оценивают положительно. Я — сторонник идеологии Y и в рамках моей ценностной системы я оцениваю эти изменения и/или их поддержку отрицательно³⁴.

Сходную точку зрения на некоторые идеологемы³⁵ высказывает также Анатолий Чудинов³⁶. Итак, для выявления идеологемности данной лексической единицы следует, во-первых, найти два таких ее употребления в речи идеологических оппонентов, которые будут отличаться друг от друга своим аксиологическим модусом. В речи, например, сторонников коммунизма лексема *коммунизм* всегда будет употребляться с положительной оценкой, в высказываниях же антикоммунистов, наоборот — с отрицательной. Следующее сопоставление употреблений лексемы *большевистский* выявляет ее возможную идеологемность:

³¹ Хотя бы в качестве цитаты или в рамках иронического употребления.

³² В.А. Рыжова, *Идеологема и мифологема как прагматическое ядро высказывания* // «Вестник Иркутского государственного лингвистического университета», 2014, № 1, с. 27–31.

³³ Как справедливо замечает Айгуль А. Карамова, «любая идеологема должна быть безразлична к оппозиции ‘свой/чужой’, т.е. отражать какую-то конкретную идеологию (в соответствии с чем к идеологемам, обозначающим идеологические понятия, не следует относить родовые номинации типа идеология, партия, революция, формация, идеолог и т.д.); и (или) отражать субъективную идеологическую позицию по отношению к идеологически значимому объекту» (А.А. Карамова, *Идеологемы: определение понятия и типология* // «Современные проблемы науки и образования» 2015, № 2, <http://www.science-education.ru/pdf/2015/2/500.pdf> (29.06.2016)).

³⁴ J. Molas, *Problemy opisu konfrontatywnego pojęć społeczno-politycznych* // S. Dubisz, J. Porayski-Pomsta, E. Sękowska (red.), *Lingwistyka a polityka: słownik pojęć politycznych i społecznych krajów Europy Środkowej i Wschodniej*, Elipsa, Warszawa 2007, с. 60.

³⁵ О классификации идеологем А.П. Чудиновым см. дальше.

³⁶ А.П. Чудинов, *Политическая лингвистика...*, с. 92–93.

5. Вид ваше превосходительство, подозрительный, большевистский, нельзя доверять, может быть, там в букете бомбы (А. С. Сорокин, *Сибирь — не Черное море*, 1920–1927, НКРЯ³⁷).

6. Транспортная общественность до сих пор слабо мобилизована, не взяла еще большевистских темпов в работе, не чувствует всей важности задачи, стоящей перед транспортом (*Боевые задачи транспорта*, «Знамя» 1930, НКРЯ).

Следует помнить, что для данного теста лучше всего подходят близкие по времени случаи употребления слов, так как некоторые идеологемы актуальны лишь в данный исторический момент.

Идеологема является своего рода ценностным ориентиром, дискурсивной константой или, как определяют ее Борис Норман и Гельмут Яхнов, «социокультурной и политической координатой данного общества»³⁸. Следовательно, если данная лексема — проявление идеологемы, то она не должна менять свою оценочность в рамках одного и того же дискурса. Трудно представить, что идеологемное слово может выступать с определением, не соответствующим ему по признаку выражаемой оценки. Формулировки типа **плохой коммунизм* или **гнусный социализм* в советском идеологическом дискурсе были немыслимы. Такая система просто не считалась коммунизмом или социализмом. С другой стороны, в рамках коммунистического дискурса нельзя, если не учитывать иронически окрашенных высказываний, говорить о **честных империалистах*, **хороших фашистах* и т.д. Наличие такого рода неиронических и нецитативных употреблений в рамках данного идеологического дискурса свидетельствовало бы о неустойчивости коннотативной аксиологии данной лексемы. Следовательно, любая единица с неустойчивой коннотативной аксиологией не может восприниматься как способ выражения аксиологической константы — идеологемы. Возьмем к примеру слово *колхоз*. Совершенно понятно, что в свое время оно употреблялось так с положительной (сторонниками колхозной системы), как и с отрицательной

³⁷ Национальный корпус русского языка, <http://www.ruscorpora.ru/>.

³⁸ В. Norman, H. Jachnow, *Идеологический компонент и его место...*, с. 45, ср. А. Kikiewicz, *Ideologia w tekście publicystycznym: kategorie tematyczne, konceptualizacja metaforyczna, wartościowanie* // «Zeszyty Prasoznawcze» 2007, № 3–4, с. 21–40; Е.Г. Мальшева, *Идеологема как лингвокогнитивный феномен...*, с. 35.

оценкой (ее противниками). Конечно, речь идет о двух разных идеологических дискурсах. Здесь мы находим подтверждение нашего интуитивного решения об идеологемности этой лексемы. С другой стороны есть такие употребления лексемы *колхоз* в рамках коммунистического дискурса, которые указывают на некую аксиологическую лабильность, например:

7. Учитель приезжает в разваливающийся колхоз, разоблачает окопавшихся там врагов... (И. Гринберг, *Новые пьесы. «Учитель» С. Герасимова* // «Советское искусство» 1939, № 11(591), НКРЯ).

Этот пример свидетельствует о том, что лексема *колхоз* не является репрезентацией идеологемы. Идеологема, понимаемая как аксиологическая константа, просто не может появляться в такого типа контекстах, конечно, в рамках своего «родного» дискурса. Представим себе это предложение в другом варианте. Вместо лексемы *колхоз* у нас появится название советского государства — *Советский Союз* (идеологемный характер не вызывает здесь никаких сомнений):

8. *Учитель приезжает в *разваливающийся Советский Союз, разоблачает окопавшихся там врагов.

Такое вряд ли напечатали бы в номере журнала «Советское искусство» в 1939 году.

Такие единицы, которые лишь «отсылают» к идеологии, не являясь идеологемными словами, следовало бы тогда определить как идеологизированные или идеологически маркированные³⁹. Альтернативным выходом могла бы стать классификация

³⁹ Норман и Яхнов (В. Norman, Н. Jachnow, *Идеологический компонент и его место...*), занимаясь идеологическим компонентом в семантической структуре слова, позиционируют этот компонент как часть семантической периферии. Они считают идеологизированными такие лексемы, как *герой, светлый, высокий, твердый, вперед, сила, счастье* и т.д. (с. 47). В определенных контекстах это так, но стоит обратить внимание на тот факт, что большинство этих слов не меняют свою оценочность в зависимости от идеологических или политических взглядов говорящего. *Героем* называют и коммуниста, и нациста (в зависимости от идеологической позиции говорящего) и это никак не повлияет на содержащуюся в данной лексеме положительную оценку. С другой стороны, авторы замечают, что ввиду отрицательной оценки лексемы *головорез* невозможно употребление *славные головорезы* (с. 45) и что слово *головорез* употребляется, как правило, по отношению к ЧУЖИМ. Это тоже верно, но опять же при переходе слова из одного дискурса в другой не меня-

широко понимаемых идеологом по признаку степени идеологической нагрузки. Тогда такие понятия как *болтун* и *коммунизм* уже на первый взгляд принадлежат к совершенно разным классам. Однако, такая классификация являлась бы совершенно интуитивной. К вопросу о классификации идеологом мы еще вернемся.

Сначала следует рассмотреть «идеологизацию» языковых единиц, т.е., как утверждает Наталья Купина, их переход в разряд идеологом:

Идеологемами становятся не только слова с семантикой, передающей концепты-идеи, но и единицы из сферы конкретной, бытовой лексики, которые получают идеологические наращения⁴⁰.

Елена Малышева пишет по этому поводу:

Необходимо еще раз подчеркнуть, что в разряд идеологом в разные периоды существования государства могут попадать концепты, содержательно не связанные с идеологической или политической сферой жизни. Это происходит тогда, когда в структуре данного концепта начинает выделяться уже названный идеологический признак (ср., например, идеологизацию в языке советской эпохи концептов «Господин» и «Товарищ» или идеологическую «нагруженность» концептов «Советский балет», «Советский учебный», «Советское языкознание»⁴¹.

Такое понимание «идеологизации», как кажется, является следствием неопределенности самого термина «идеологема». Вопрос в том, как нам определить, может ли данная лексема (или понятие) стать идеологом, если у нас нет четких критериев, которые позволяют идентифицировать самую идеологему. При-

ется отрицательная оценка, а лишь ее объект. Сама лексема и общие условия ее употребления (по отношению к чужим, с отрицательной оценкой) остаются теми же. Такие единицы называются Михаилом Эпштейном прагмемами (М. Эпштейн, *Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса)* // «Вопросы языкознания» 1991, № 3, с. 19). Идеологический компонент (в отличие от прагматического) находится в таких случаях на периферии семантической структуры и поэтому эти лексеммы, как кажется, нельзя считать идеологемными, а лишь идеологизированными единицами. Идеологемное слово, если придерживаться теории семантического ядра и периферии, — это слово с идеологической составной в центре своей семантической структуры.

⁴⁰ Н.А. Купина, *Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции*, ЗУУНЦ, Екатеринбург–Пермь 1995, с. 14.

⁴¹ Е.Г. Малышева, *Идеологема как лингвокогнитивный феномен...*, с. 35.

меры, которые дает Малышева (*Советский балет, Советский ученый, Советское языкознание*) идеологически маркированы именно потому, что в своей структуре содержат идеологему *советский*. Конечно, иногда лексемы бытовой сферы подвергаются некой идеологизации, но вряд ли могут сами по себе становиться ценностными константами.

Как справедливо замечает Купина: «различаем собственно идеологическую семантику и идеологическую добавку»⁴². Оксана Чернова, в свою очередь, добавляет «Идеологические добавки искусственно [выделение мое — П.З.] накладываются на лексическую семантику и носят догматический характер»⁴³. Купина эти добавки называет «идеологическими наращениями»⁴⁴. При таком подходе появление идеологических коннотаций автоматически продвигает лексему в разряд идеологемных слов. Таким образом пополняется их общий набор. Но если исследователям ясно, что этот идеологический заряд является результатом какого-то «искусственного» процесса, не стоит ли отказаться от автоматического причисления лексем, подвергшимся таким изменениям, к идеологемным словам. Почему мы, называя все слова с идеологической нагрузкой идеологемами, должны упускать из виду эту существенную разницу между двумя классами слов: с «собственно идеологической семантикой» и с «идеологической добавкой»?

Кажется, что целесообразно различать идеологемные слова как некий каркас идеологического дискурса и идеологизированные слова как его неотъемлемое наполнение. В свое время идеологизации подверглось слово *спорт*. Разумеется, имеется в виду *советский спорт* (ср. *социалистическое соревнование, большевистская бдительность* и т.д.). Идеологизация спорта обуславливается именно тем, что он определялся как *советский*, т.е. он подвергался некоему влиянию со стороны идеологемы *советский*, но понятие *спорт*, в свою очередь, не способно таким же образом влиять на слова в содержащих его репрезентации коллокациях, например, *спортивный костюм*,

⁴² Н.А. Купина, *Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем* // «Русский язык сегодня» 2000, № 1, с. 183.

⁴³ О.Е. Чернова, *Идеологема «враг» в советских и современных политических ориентированных текстах* // «Научный диалог. Филология» 2013, № 4, с. 157.

⁴⁴ Н.А. Купина, *Тоталитарный язык...*, с. 14

мастер спорта, спортплощадка. Это также нужно, на мой взгляд, учесть при определении понятия идеологема. Идеологемные лексемы, в отличие от идеологизированных слов, способны идеологизировать другие единицы текста⁴⁵. Они являются первостепенными носителями идеологического заряда и могут его передавать.

Иногда в научных трудах встречается и понятие «квазиидеологема». В статье Гозель Илагаевой мы можем прочесть следующее:

О влиянии идеи марксизма-ленинизма свидетельствует квазиидеологема «Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин», представленная в семантике слова сталинец: «последователь учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, непоколебимо преданный делу Ленина-Сталина»⁴⁶.

Наталья Купина в свое время писала:

Идеологема буржуазный вбирает в себя смысл «дворянский». Так образуется квазиидеологема дворянско-буржуазный «не наш», чужой, враждебный⁴⁷.

Почему одни единицы считаются идеологемами, а другие квазиидеологемами⁴⁸ — это не объясняется. Без точного определения понятия идеологема этот вопрос так и остается без ответа.

В связи с этим теоретическим недостатком стоит отнести и к разным попыткам классификации идеологем, имеющимся

⁴⁵ Ширяев вслед за Натальей Купиной определяет идеологема как единицы, «которые подчиняют семантику группирующихся вокруг них слов», см. Е.Н. Ширяев, *Общие процессы в развитии русского языка в 1945–1949 гг.* // Е. Н. Ширяев (ред.), *Русский язык*, Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, Opole 1997, с. 18.

⁴⁶ Г.О. Илагаева, *Особенности воплощения социалистической идеологии в словарных статьях «толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова* // «Известия Южного федерального университета. Филологические науки» 2014, № 5, с. 85.

⁴⁷ Н.А. Купина, *Тоталитарный язык...*, с. 11.

⁴⁸ Как кажется, сам термин «квазиидеологема» может быть пригоден в том случае, если в идеологическом дискурсе будут обнаружены такие лексемы, которые «работают» в нем точно так же, как и идеологемные слова, но по своим семантическим признакам никак не связаны с идеологией. К таким лексемам следует, на мой взгляд, отнести, например, названия художественных направлений, гонимых в Советском Союзе (формализм, абстракционизм и т.д.).

ИДЕОЛОГЕМА И ИДЕОЛОГЕМНОЕ СЛОВО...

в научной литературе. Так как «идеологема» понимается по-разному (иногда одним и тем же автором), они бывают довольно непоследовательными.

Гусейнов свою классификацию проводит с формальной точки зрения. Он выделяет следующие классы «идеологем»:

- 1) идеологема — буква: *ъ* в конце слова, *Б/б* в слове *Бог* и т.д.;
- 2) идеологема — акцент: акцент речи вождей;
- 3) идеологема — падежное окончание: *Федеративная Республика Германии* и *Федеративная Республика Германия*;
- 4) идеологема — предлог: *в Украине / на Украине; с Украины / из Украины*;
- 5) идеологема — новое имя: антропонимы, топонимы, этнонимы: *Санкт-Петербург/Ленинград; Владлен, Владлена*;
- 6) имена денег: «Сразу после революции была отменена ненавистная большевикам идеологема деньги, а вместо нее вводились новые, промежуточные, термины для перехода к безденежному обращению»;
- 7) идеологемы — эргонимы: «Серп и молот», «Красная звезда», «Красный октябрь»;
- 8) идеологема — цитата: «Кадры решают все»⁴⁹.

В работе Гусейнова бросается в глаза одно — автор сосредотачивается на формальных способах репрезентации идеологем. Его классификация основана на лингвистическом подходе к этому понятию, но в книге в целом переплетаются лингвистическое и когнитивное понимание термина. Автор дает в своей работе следующее определение идеологемы:

минимальный отрезок письменного текста или потока речи, предмет или символ, который воспринимается автором, слушателем, читателем как отсылка — прямая или косвенная — к метаязыку, или к воображаемому своду мировоззренческих норм и фундаментальных идейных установок, которыми должно руководствоваться общество⁵⁰.

С другой стороны, Гусейнов заявляет:

В широком смысле слова к идеологемам следует отнести и несловесные формы представления идеологии — традиционные символы (серп и молот, щит и меч) изобразительные и архитектурно-скульптурные комплексы (мавзолеи, памятники, плакаты, портреты, географические карты, карикатуры, татуировки), а также символы музыкальные (гимны, позывные)⁵¹.

⁴⁹ Г.Ч. Гусейнов, *Советские идеологемы в русском дискурсе...*

⁵⁰ Там же, с. 12.

⁵¹ Там же, с. 13.

Следовательно, если сталинская цитата «Кадры решают все» является сама по себе идеологемой, то она должна представлять какую-нибудь идеологию. С другой стороны, каково ее отношение к идеологии, если не учитывать самого Сталина как автора высказывания. Если здесь можно говорить об идеологической нагрузке, то лишь принимая во внимание символическую фигуру Сталина⁵². Гусейнов приводит в качестве примера топонимическую пару: *Санкт-Петербург — Ленинград*. Идеологический заряд здесь очевиден, но разве *Санкт-Петербург* не является лишь репрезентацией идеологемы (в книге Гусейнова появляется⁵³, но не объясняется, следующий термин — «макроидеологема»⁵⁴) *старое, дореволюционное, а Ленинград — новое, коммунистическое?* Твердый знак в конце слова тоже может нести с собой некую идеологическую информацию, но для этого требуется определенный контекст и вся система прагматических соотношений.

Если подход Гусейнова верен, тогда «идеологемой» можно бы считать любую языковую единицу, которая каким-либо образом ассоциируется с идеологией, но тогда существование научного термина «идеологема» теряет смысл, так как его первоначальная задача — точно выделять определенную категорию объектов действительности. Ассоциативный же подход не является научным, так как ассоциацию нельзя научно обосновать.

Чудинов проводит, в свою очередь, функциональную классификацию идеологем. Автор выделяет две категории:

- 1) идеологемы, которые неодинаково понимаются сторонниками разных политических взглядов, например, *народ, свобода*;
- 2) идеологемы, которые используются только сторонниками определенных политических взглядов, например, *страны народной демократии*⁵⁵.

Вторая категория в этой классификации вызывает сомнение. Разве есть такие слова, которые используются только сторонниками определенных политических взглядов? Возьмем к примеру «страны народной демократии». Эта номинация употреблялась

⁵² См. Е.А. Нахимова, *Идеологема Сталин в современной массовой коммуникации...*, с. 152–156.

⁵³ Г.Ч. Гусейнов, *Советские идеологемы...*, с. 58.

⁵⁴ Этот термин больше всего подходил бы к двум основным категориям любого идеологического дискурса — СВОИ–ЧУЖИЕ.

⁵⁵ А.П. Чудинов, *Политическая лингвистика...*, с. 92–93.

во времена господства коммунизма в Восточной Европе его сторонниками. Но ведь даже самый «мерзкий капиталист» и «реакционер» мог бы сказать например: «Они, эти коммуняки, все время разглагольствуют о ‘странах народной демократии’» или «В так называемых странах народной демократии царит хаос» и т.д. Идеологемы, как понятия, являющиеся ядром идеологического дискурса, по своей природе всегда попадают в центр конфликта между разными идеологиями, следовательно, появляются в речи как сторонников, так и противников данной идеологии.

Обратим внимание также на классификацию Клушиной: 1) социальные идеологемы, которые «отражают установки и ориентиры общества на конкретном отрезке его развития», например, *держава, мессианизм*; 2) личностные идеологемы, которые «складываются вокруг руководителя государства, любого значительного политического лидера, героев/ антигероев своего времени», например, *вождь морового пролетариата, гениальный вождь и учитель, генеральный конструктор, верный ленинец, архитектор перестройки, царь Борис* и т.д.⁵⁶

Сомнение вызывает здесь понятие «личностных идеологем». Номинации лидеров, конечно, ассоциируются с репрезентируемой ими идеологией, но разве «любой» из них становится символом данной идеологии. Кажется, что выбор примеров неслучайно ограничивается номинациями самых видных лидеров СССР⁵⁷ и РФ (Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев и Ельцин).

Следует обратить внимание и на смешанный подход Клушиной к самому понятию идеологемы:

С позиций коммуникативной стилистики идеологема — основная авторская идея [выделение мое — П.З.], имеющая политическое, экономическое или социальное значение, ради которой создается текст. Идеологема ложится в основу публицистического текста и организует все

⁵⁶ Н.И. Клушина, *Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.)*. Автореф. дис. докт. филол. наук, МГУ им. Ломоносова, Москва 2008, <http://oldvak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/filolog/22-12-2008/Klushina.doc> (29.06.2016).

⁵⁷ Косвенным подтверждением идеологемности фамилий некоторых политических (идеологических) лидеров может быть наличие в дискурсе соответствующих названий идеологических направлений — марксизм, ленинизм, сталинизм и т.д.

текстовое пространство. Идеологема, включенная в коммуникативную ситуацию, получает дополнительные смыслы, встраивается в публицистическую картину мира, создаваемую средствами массовой коммуникации, и становится центральным понятием [выделение — П.З.] публицистического дискурса.

Идеологема — это воплощение вербальными средствами идеологических, политических, социальных установок [выделение — П.З.], которые должен усвоить адресат и которые формируют в обществе определенную устойчивую идеологию, помогающую сплочению социума⁵⁸.

Как кажется, эти два подхода несовместимы. Если мы определяем «идеологему» как «идею» или «понятие», то ее вербальные воплощения должны оставаться именно ее вербальными воплощениями. Итак, большинство примеров «личностных идеологем» должны определяться не как идеологемы, но как их языковые проявления, так как идеологемами на самом деле являются символические фигуры Ленина, Сталина и т.п.

Наиболее полной до сих пор является классификация «идеологем» Малышевой. Она выделяет несколько классов по следующим признакам:

- характер концептуализируемой информации;
- сфера употребления и понимания носителями языка;
- оценочный потенциал;
- актуальность/неактуальность идеологемы в современной идеологической картине мира⁵⁹.

Приведем перечень единиц, которые попали в эту классификацию в качестве примеров идеологем:

народ, флаг, гимн, демократия, олимпиада, спорт, съезд, Государственная Дума, свобода, равенство, Ленин, Сталин, Ельцин, Путин, свобода, отечество, советские солдаты — освободители, родина, террор, фашизм, патриотизм, президент, воля, советский народ, социалистическое соревнование, КПСС, царь, финансовый кризис, принуждение к миру, парламент, национальная идея, монетизация льгот, толерантность, губернатор, дума.

По крайней мере в нескольких случаях, следовало бы задать один вопрос: с какой идеологией (и каким образом) связана данная «идеологема», например, *спорт* (если ученая посчитала нужным привести в качестве примера не просто *соревнова-*

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Е.Г. Малышева, *Идеологема как лингвокогнитивный феномен...*, с. 37.

ние, а социалистическое соревнование, то почему не советский спорт?) или монетизация льгот? Как кажется, на практике идеологемами иногда считаются любые социально значимые понятия, что является очередным подтверждением неопределенности термина.

Малышевой выделяются идеологемы с положительным, с отрицательным и смешанным аксиологическим модусом. Все примеры, приведенные автором, подобраны справедливо, но лишь для какого-то одного дискурса. Возьмем к примеру идеологему *фашизм*, которая попала в категорию идеологем с отрицательной аксиологией. Она является отрицательной лишь в дискурсе нефашистов. В речи же фашистов она будет положительно маркированной. Сомнение вызывает также категория «универсальные идеологемы» (напр. *Родина, флаг, гимн*⁶⁰). Если идеологема является понятием или концептом, непосредственно связанным с идеологией (т.е. системой взглядов, отражающих коллективные интересы определенной группы людей), то она по определению не может быть универсальной. Если же понятие является универсальным, то оно особо не связано ни с какой определенной идеологией.

Как кажется, большинство проблем, связанных с понятием «идеологемы», которые наблюдаются чаще всего на аналитическом, но и, как указывают примеры классификаций, на теоретическом уровне, связаны с отсутствием такой дефиниции, которая позволяла бы точно определять (главным образом) ее языковые проявления.

Основываясь на трех признаках, из которых два являются общепризнанными (оценочность и контекстуальность), а один лишь предлагается в рамках данной работы, мне хотелось бы предложить следующее определение идеологемы и идеологемного слова:

«Идеологема» — это когнитивная единица, семантически связана с той или другой идеологией, (т.е., понятие данной идеологии) содержащая ценностную константу данной идеологической среды, которая выражается с помощью речи (дискурса) и неязыковых средств. Идеологемные слова, в отличие от идеологизированных слов, носят примарно идеологический характер, т.е. они выражают понятия, которые непосредственно

⁶⁰ В универсальности этих понятий, на мой взгляд, можно сомневаться, ведь есть же идеологии, которые отрицают понятие Родины.

участвуют в формировании данной идеологии. В определенных контекстах они могут являться также маркерами идеологической принадлежности говорящего. Идеологемные слова в рамках дискурса всегда несут с собой определенную оценку, но ее вектор обуславливается контекстом.

Такое определение идеологемы, как кажется, учитывает все черты такого рода единиц, на которые указывают отдельные исследователи. С другой стороны, предлагаемый в настоящей статье подход позволяет избежать или, по крайней мере, ограничить фактор интуитивности при выделении тестовых реализаций идеологем.

Piotr Zemszał

IDEOLOGEM I SŁOWO IDEOLOGEMOWE – W KIERUNKU DEFINICJI

Streszczenie

W artykule rozpatruje się niekonsekwencję w podejściu do terminu „ideologem” w językoznawstwie rosyjskim. Tekst zawiera propozycję takiej definicji omawianego pojęcia, która pozwoli na wydzielenie odnośnych realizacji językowych przy możliwie znaczącym pominięciu czynnika intuicyjnego.

Piotr Zemszał

IDEOLOGEME AND IDEOLOGEMIC WORD – TOWARDS A DEFINITION

Summary

This paper focuses on an inconsistent interpretation of the term “ideologeme” in the Russian linguistics. The proposed definition of ideologeme and ideologemic word, in the author’s opinion, will allow determining of ideologemic words while excluding the intuitive factor.